

Я был директором Большого театра...

А вот и другой случай, в котором проявилось патристическое отношение к своему театру со стороны одного из самых отягощенных званиями и правительственными наградами артистов Большого.

Итак, в 1969 году на гастроли в СССР приехал знаменитый болгарский певец Борис Христов. Любители оперного искусства давно мечтали увидеть его на сцене Большого театра и насладиться несравненным (по отзывам прошлых лет) исполнением артистом главных партий — в операх Мусоргского в первую очередь. При этом многие сожалели, что Христов не нашел возможности выступить в нашей стране в годы, когда он был в расцвете творческих сил и его наперебой приглашали лучшие театры мира. (Замечу, к слову, что, увы, это не столь редкий случай, когда иные западные знаменитости лишь на закате своей артистической карьеры ищут встреч со своими поклонниками в нашей стране!).

Но как бы то ни было, Христов приехал к нам выступать — и это было событием!

Объявлены были два спектакля оперы «Борис Годунов», где Христов должен был исполнять главную роль в постановке, осуществленной еще в 1948 году под руководством Н. С. Голованова, Л. В. Баратова и Ф. Ф. Федоровского и с тех пор справедливо считавшейся одной из лучших в золотом фонде оперного репертуара Большого театра.

И вот, когда уже были проведены все сценические репетиции и начались оркестровые, дирижер Г. Н. Рождественский объявился больным, — с ним сделалось плохо в Большом зале Консерватории, где он параллельно готовил программу симфонического концерта. Что делать?

Я пригласил для переговоров Христова, объяснил ему ситуацию, и мы вместе с ним посетовали на обстоятельства и посочувствовали Рождественскому, тем более что Христов был чрез-

Михаил ЧУЛАКИ

вычайно доволен совместной с ним работой. Я представил Христову другого дирижера — высокопрофессионального М. Ф. Эрмлера, долженствующего заменить заболевшего Рождественского, так как с самого начала был назначен его дублером, присутствовал на всех репетициях, начиная от первых спевков, и был полностью в курсе хода подготовки спектакля. Христов с пониманием отнесся к вынужденной замене, но поставил условием, что с новым дирижером ему потребуются сызнова провести весь цикл репетиций — от спевков и до оркестровых!

Делать нечего... Но чтобы выкроить нужное репетиционное время, мы с Христовым и Эрмлером договорились, что спектакли с участием гастролера должны быть сдвинуты на 3—4 дня: если первый из них состоится в день ранее объявленного второго, то второй будет специально объявлен в самом начале следующей декады.

С тем мы и расстались, как будто бы ко взаимному удовлетворению.

Но не прошло и получаса, как раздался телефонный звонок Христова: он спрашивал, какой спектакль состоится в Большом театре вместо «Бориса Годунова» с его участием? Я несколько удивился и ответил, что мы не собираемся менять название, а лишь заменим исполнителя главной роли в соответствии с правилами, которыми руководствуемся вот уже чуть ли не полвека и которые доводятся до сведения публики во всех афишах («Дирекция оставляет за собой право заменять одного исполнителя другим...») Но артист настаивал именно на замене спектакля. Он не принимал моих объяснений, что в таком театре, как Большой, публика, хотя и интересуется составом исполнителей, но идет в первую очередь на название, — она (публика) ждет от наших оперных спектаклей комплексных впечатлений: и стройного хорового пения, и слаженной оркестровой игры, и блеска танцевальных сцен, и великолепия

сценического оформления, и, наконец, впечатляющего массового действия! Именно в этот сложный художественный комплекс и должно вписаться и засверкать всеми гранями созвездие солистов!!!

Конечно, я немного примитивизировал соотношение вклада солистов и массовых коллективов в общее дело создания высокохудожественных спектаклей, но ведь не мог же я разъяснить ему, гастролеру типично западного толка, что в составе труппы Большого театра есть артисты столь же высокого ранга, как и сам Христов, гастрوليрующие на лучших сценах мира!

Христов не стал мне перечить, доказывать свою правоту, а предпочел действовать тихой сапой. В своем гостиничном номере он собрал нечто вроде пресс-конференции и, сидя на чмодаках, заявил представителям западных газет и телеграфных агентств, что уезжает потому, что дирекция Большого театра создала ему невыносимые условия, о чем он будет рассказывать во всех тех странах, куда поедет после СССР!

Волей-неволей пришлось и мне пригласить нескольких наиболее влиятельных газетчиков и изложить им действительно положение вещей.

А после этого я стал «чинить» спектакль, грозивший срывом. В этих целях я вызвал одного из лучших наших исполнителей роли Бориса Годунова — великолепного артиста-певца А. П. Огнинева и попросил его срочно заменить Христова в двух объявленных спектаклях. Я понимал, что ставлю его в трудное положение, предлагая выступать вместо долгожданного гастролера, но в глубине души надеялся, что он правильно поймет сложившуюся ситуацию и патристические чувства в нем перевесят амбиции. И не ошибся. Огнинева только сказал с некоторой укоризной: «Я так и думал, что выручать театр придется русскому певцу» — и превосходно спел оба спектакля, вызвав восторженные овации публики.

(Продолжение. Начало см «Большой театр» №№ 33, 34 с. г.).

(Продолжение следует).